

УДК 101

РУССКИЙ МАРКСИЗМ КАК «РЕЛИГИЯ РЕВОЛЮЦИИ»*

А.Д. Майданский

Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Белгородский государственный институт искусств и культуры
Институт философии Российской Академии наук
e-mail: maidansky@gmail.com

Был ли русский марксизм религией – «религией революции», как думал Лев Толстой? Что он унаследовал от Маркса и что в нем шло вразрез с коммунистическим идеалом всестороннего развития личности? Отвечая на эти вопросы, автор статьи показывает, что после победы революции русский марксизм стал выполнять ту же миссию охраны государственных устоев, которую прежде выполняли религии.

Ключевые слова: Маркс, Лев Толстой, русский марксизм, революция, религия, коммунистический идеал.

Маркс был одним из самых непримиримых и яростных критиков религии, этого «опиума народа». В каком же смысле марксизм можно назвать «религией революции»? Некоторые называют в самом прямом – например, Бердяев. А Гэри Норт так и назвал свою книгу: «Марксова религия революции»¹.

Из воспоминаний Д.П. Сильчевского «День с Толстым»: «Л.Н. засмеялся своим невыразимо славным, тихим смехом и сказал мне: – ... Вы правоверный, верный вашей религии – революции... Между прочим, Л.Н. тепло вспомнил о покойных С. Перовской, А.И. Желябове и Кибальчиче»².

Отметим, что все трое тепло помянутых были повешены за убийство Александра II. По-видимому, Толстой считал, что не бывает хорошей революции, но бывают хорошие революционеры.

«Сущность всякой религии состоит только в ответе на вопрос, зачем я живу и какое мое отношение к окружающему меня бесконечному миру», – писал Толстой³. Если так, то марксизм, конечно, тоже *религия*. Религия революции.

Почему же мы заключаем это выражение в кавычки? Не из преувеличенного уважения марксизму, или к религии, или к революции. У марксизма, и особенно *русского марксизма*, есть много общего с религией. Это, прежде всего, слепая вера в

* Публикуется при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ), проект № 17-03-00160а «Подготовка к печати неизданных работ Э.В. Ильенкова 60-70-х годов из архива философа». Статья подготовлена на основе доклада, прочитанного в рамках международной научно-теоретической конференции «Война и мир, насилие и ненасилие в русской литературе и философии. К 190-летию со дня рождения Л.Н. Толстого» (г. Белгород, 27-30 июня 2018 года).

¹ North G. Marx's Religion of Revolution: Regeneration Through Chaos. Tyler, Tex: Institute for Christian Economics, 1989 (рус. пер.: Норт Г. Марксова религия революции: возрождение через хаос. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1994).

² Интервью и беседы с Львом Толстым. М.: Современник, 1986. С. 275.

³ Толстой Л.Н. Религия и нравственность // Избранные философские произведения. М.: Просвещение, 1992. С. 117.

слово – в Св. Писание Маркса. «В начале было Слово, и Слово было у Маркса, и Слово было Революция».

Отличия марксизма от религии, однако, не менее существенны. И лично Маркс не был догматиком, относившимся к собственным писаниям как к абсолютной, непререкаемой истине. Маркс был *ученым* и обладал в высшей мере критическим складом ума. Правда, он редко критиковал самого себя в открытой форме, но если видел в своих писаниях ошибки, он их исправлял – как всякий нормальный ученый.

Если Слово Маркса превратилось в догму, то виноват в этом не столько Маркс, сколько верующие. Однажды Маркс сказал про своих французских адептов: «Знаю только, что сам я не марксист!». Не сомневаюсь, что то же самое он воскликнул бы о Ленине и Троцком. И с еще бóльшим основанием. Отцы русской пролетарской революции взяли у Маркса символ веры, св. Троицу: Пролетариат – Революция – Мировая Коммуна, – но плохо поняли то, что автор «Капитала» называл «естественноисторическим» взглядом на историю.

Маркс доказывал, что коммунизм станет возможным, когда буржуазная экономика полностью выдохнется, исчерпав весь потенциал своего развития: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора»⁴.

Отсюда следует прямой вывод: капиталистическая формация погибнет не раньше, чем исчерпает все возможности саморазвития. Политические революции не могут похоронить капитализм, пока он жив и жизнеспособен. Тем более если эти революции совершаются там, где капитализм совсем еще зелен и слаб. Как, например, в России.

В середине XIX века Марксу казалось, что капитализм уже дряхл и очередной экономический кризис вот-вот станет для него последним. Сегодня мы знаем, что то была иллюзия – капитал только начинал свой исторический взлет. С тех пор научно-техническая революция преобразила мир, оказавшись вполне совместимой с частной собственностью, «невидимой рукой» рынка, эксплуатацией человека человеком и прочими атрибутами буржуазной цивилизации. И сегодня темпы экономического развития остаются такими высокими, как никогда прежде в мировой истории. На языке Маркса это означает, что производственные отношения дают более чем достаточно простора для развития производительных сил. А пока это так, у коммунистической революции нет ни единого шанса на успех.

Тем временем классический субъект революции – пролетариат, которому нечего терять, кроме своих цепей, – остался разве что в глубинке Юго-Восточной Азии. В государствах «первого мира» рабочий класс добился впечатляющего роста уровня жизни, свободного времени, политических прав. Оказалось ложным еще одно пророчество Маркса – относительно «накопления нищеты, муки труда, рабства, невежества, одичания и моральной деградации» рабочего класса⁵. А ведь «абсолютное обнищание» трудящихся в *передовых* капиталистических странах должно было стать, по Марксу, главной причиной мировой революции...

В наши дни ради спасения догмата пролетарской революции постмарксистам приходится искусственно расширять понятие пролетариата. В него зачисляются едва ли не все наемные работники – в том числе интеллигенция, так сказать, «пролетарии умственного труда».

⁴ Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., в 50-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 7.

⁵ Маркс К. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23. С. 660.

Допустим на миг, что революция увенчалась успехом. Интеллигенты и домохозяйки в союзе с уцелевшими пролетариями взяли власть, причем в мировом масштабе и прямо сейчас. Иго буржуазии свергнуто, и государственный аппарат перешел в руки трудящихся. Станет ли наша жизнь светлее и справедливее? Ускорится ли рост экономики? Я в этом сильно сомневаюсь. Про исчезновение частной собственности и «отмирание государства», полагаю, не стоит и заикаться...

В Марксе как-то уживались две натуры – настоящего ученого и пророка, верующего в мировую революцию. Причем сначала он стал пророком, провозгласил грядущую пролетарскую революцию, а уже потом, полгода-год спустя, занялся экономическими исследованиями, дабы – задним числом – доказать экономическую неизбежность мировой революции.

Русские марксисты взяли у Маркса миф о мировой революции. Всё остальное они или не усвоили, или переиначили на наш русский лад. Получился *марксизм-ленинизм* – пролетарская мифология, очищенная от всякой научности. Отдельные еретики, настоящие ученые-марксисты, время от времени появлялись на свет, но общую ситуацию переломить они не могли. И у каждого из них была своя Голгофа...

Интересно, что Маркс предсказал русскую революцию ровно за сорок лет до ее начала. «Революция начнется на этот раз на Востоке, бывшем до сих пор нетронутой цитаделью и резервной армией контрреволюции», – пророчествовал он в письме Зорге от 27 сентября 1877 г. – «Переворот начнется *secundum artem* [лат.: по всем правилам искусства] с конституционных заигрываний, и буча выйдет отменная. И при благосклонности матери-природы мы еще доживем до этого торжества!»⁶. Увы, мать-природа не позволила Марксу прожить до ста лет, чтобы насладиться свершениями Великого Октября.

Несет ли Маркс ответственность за своих русских читателей и почитателей? В какой-то мере да. Примерно в той же мере, в какой Конфуций или Будда ответственны за конфуцианство и дюжину версий буддизма. Вполне возможно, что, доведись Будде познакомиться со своими японскими фанатами, он тоже воскликнул бы «сам я не буддист!».

Если *революционеры*, во главе с Лениным, были уверены, что претворяют в жизнь идеи Маркса, то *контрреволюционер* Бердяев считал идеологом русской революции... кого бы вы думали? Правильно, Льва Николаевича. – «Он вызывал тех духов, которые владеют революцией, и сам был ими одержим», – писал он в 1918 году. – «Правда, насилия и кровопролития ужаснули бы Толстого, он представлял себе осуществление своих идей иными путями. Но ведь и Руссо ужаснули бы деяния Робеспьера и революционный террор. Но Руссо так же несет ответственность за революцию французскую, как Толстой за революцию русскую. Я даже думаю, что учение Толстого было более разрушительным, чем учение Руссо»⁷.

На первый взгляд, дичь какая-то. И на второй тоже. Руссо был кумиром французских революционеров. Проповеди Толстого не вызывали у наших творцов революции и сотой доли того энтузиазма. Чаще – презрение и насмешки. Однако симпатии графа к цареубийцам позволяют предположить, что при желании в речах Бердяева можно разглядеть и рациональное зерно. Впрочем, вместо упражнения в экзегетике, достаточно обратиться к известной работе Ленина, где то же самое рациональное зерно лежит на самом видном месте.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. С. 230.

⁷ Бердяев Н.А. Духи русской революции // Падение священного русского Царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007. С. 800, 803.

Ленин, как известно, считал Толстого «зеркалом» *первой* русской революции – великим выразителем настроений русского крестьянства ко времени наступления в России буржуазной революции (крестьянство, если помните, – класс мелкобуржуазный). Вот Бердяев на зеркало и пенял – будто бы это зеркало в революции виновато, а не «кривая рожа» Российской империи.

Придя к власти, Ленин оперативно издал Декрет о земле (за основу был взят эсеровский проект «социализации земли»). В этом декрете провозглашалось осуществление вековой мечты крестьянства. Эту «мелкобуржуазную» мечту Ленин кратко и ёмко описывал следующим образом:

«Стремление смести до основания и казенную церковь, и помещиков, и помещичье правительство, уничтожить все старые формы и распорядки землевладения, расчистить землю, создать на место полицейски-классового государства общежитие свободных и равноправных мелких крестьян, – это стремление красной нитью проходит через каждый исторический шаг крестьян в нашей революции, и несомненно, что идейное содержание писаний Толстого гораздо больше соответствует этому крестьянскому стремлению, чем отвлеченному “христианскому анархизму”, как оценивают иногда “систему” его взглядов»⁸.

Конечно, Толстой на это возразил бы, что его идеалы невозможно осуществить насильственными, революционными средствами. Что насилие неминуемо извращает самые высокие идеалы. Он об этом сто раз писал. Но была ли возможность решить острейший, больной земельный вопрос ненасильственными мерами, по-толстовски? Если и была, на это требовалось много времени, которого у страны не было. Не мог этот вопрос и дальше оставаться нерешенным в ожидании, когда его можно будет решить полюбовно. Ленин сделал то, что должно, ну а Толстой требовал невозможного...

И первая, и вторая русские революции проходили под знаком *крестьянского* общественного идеала, милого сердцу Толстого, а не под знаком Марксова, *специфически-западного* коммунистического идеала. Последний связан своими корнями с идеями гуманистов Возрождения, а через них и с античной классикой. Маркс так формулировал этот идеал: «Развитие богатой индивидуальности, которая одинаково всестороння и в своем производстве и в своем потреблении»⁹. Такова историческая цель, миссия коммунистического движения.

Разве интересы развития человеческой личности стояли когда-нибудь на первом месте в русской революции? Или в советское время? Никакого перерастания государственной собственности в индивидуально-личную, никакого «отмирания государства» и замены государственной власти «организацией самоуправления», в Советском Союзе не происходило. Ничего похожего на коммунистическое движение, как его понимал Маркс. Советское государство расправлялось с любыми порывами к личной свободе, если они хоть в чем-то шли вразрез с интересами государства.

Русский марксизм, в отличие от марксизма аутентичного, был *государственной идеологией*. И в этом – еще одно его сходство с религиями, которые тысячелетиями выполняли ту же самую идеологическую миссию, охраняли государственные устои.

⁸ Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 17. С. 211.

⁹ Экономические рукописи 1857-1861 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I. С. 281.

Список литературы

1. Бердяев Н.А. Духи русской революции // Бердяев Н.А. Падение священного русского Царства: Публицистика 1914-1922. М.: Астрель, 2007.
2. Интервью и беседы с Львом Толстым. М.: Современник, 1986.
3. Ленин В.И. Лев Толстой как зеркало русской революции // Ленин В.И. Полное собрание сочинений, 5-е изд. М.: Политиздат, 1968. Т. 17. С. 206-213.
4. Маркс К. К критике политической экономии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд., в 50-ти т. М.: Политиздат, 1959. Т. 13. С. 3-167.
5. Маркс К. Капитал. Том I // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 23.
6. Маркс К. Письмо к Зорге, 27 сентября 1877 // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 34. С. 229-320.
7. Маркс К. Экономические рукописи 1857-1861 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 46. Ч. I.
8. Норт Г. Марксова религия революции: возрождение через хаос. Екатеринбург: Изд-во «Екатеринбург», 1994.
9. Толстой Л.Н. Избранные философские произведения. М.: Просвещение, 1992.
10. North G. Marx's Religion of Revolution: Regeneration Through Chaos. Tyler, Tex: Institute for Christian Economics, 1989.

RUSSIAN MARXISM AS «RELIGION OF THE REVOLUTION»

A.D. Maidansky

Belgorod National Research University
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
e-mail: maidansky@gmail.com

Was Russian Marxism a religion – the “religion of the revolution”, as Leo Tolstoy believed? To what extent did Russian Marxism inherit Marx and in what was it going against Marx’s communist ideal of the universally developed personality? Answering these questions, the author of the article shows that after the victory of the October revolution, Russian Marxism carried out the same mission of protecting the state foundations, which the religions had always previously performed.

Keywords: Marx, Leo Tolstoy, Russian Marxism, revolution, religion, communist ideal.
